

Елена
Кучеренко

Тюка естѣ Время

Рассказы для души

Вольный Странник

Елена Александровна Кучеренко
Пока есть время.
Рассказы для души

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73477668

Пока есть время. Рассказы: Издательство ООО «Вольный Странник»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-00178-158-5

Аннотация

Автор книги – мама пятерых детей, православная писательница, постоянный автор многих православных порталов. Ее рассказы наполнены светлой верой, любовью к жизни и людям, мягким юмором. Автор пишет о своей жизни с подкупающей самоиронией, поднимает актуальные нравственные вопросы, которые волнуют сейчас всех равнодушных людей.

Содержание

Приходские истории	7
Как я замуж выходила	7
«Старец благодатный не нужен?»	85
Конец ознакомительного фрагмента.	96

**Кучеренко Елена
Александровна
Пока есть время
Рассказы**

Елена Кучеренко

*Пока есть
время*
рассказы

ВОЛЬНЫЙ СТРАННИК

Москва, 2023

© Кучеренко Е. А., 2023

© Оформление. ООО «Вольный Странник», 2023

Приходские истории

Как я замуж выходила

Сколько себя помню, я всегда хотела замуж. Не за кого-то конкретно, а в общем. Ну и влюблялась, конечно же, куда ж без этого.

В первый раз я серьезно влюбилась в семь лет. Вот так, по-настоящему. Чтобы навсегда и плакать в подушку. Не на жизнь, а на смерть. Я была первоклашкой, а он – взрослым и серьезным молодым человеком. Целым третьеклассником! И не обращал на меня, малявку, совершенно никакого внимания.

Мы жили тогда в Греции, куда отца отправили в командировку. В посольстве работали и родители того мальчика. Наши семьи дружили, мы часто ходили другу к другу в гости. Каждую нашу встречу мама объекта моих грез и слез говорила ему:

– Андрюшенька, поиграй с Леночкой, а мы посидим-поговорим.

А он презрительно кривился в мою сторону и изрекал:

– Ну маааам! Она же мааааленькая.

И я страдала.

Но скоро командировка закончилась, и мы вернулись на

родину. Это было лето, и родители отправили меня в мой любимый город Краснодар – к бабушке и дедушке.

Как же я любила этот город! Все самые лучшие воспоминания детства связаны у меня именно с ним! С дедушкой Толей и бабушкой Липой. С зимы я начинала зачеркивать числа в календарике, считая, сколько дней осталось до июня.

Каждое лето меня сажали в Москве на самолет, а бабушка встречал. Я любила там все: тополя-свечки, синий цикорий, шелковицу во дворе. Запах подъезда нашей старой пятиэтажки на улице Славянская – неповторимый запах сырости, кошек и консервации из-за каждой двери. Любила ро-

галики, которые продавались рядом с домом, квас бидонами и бабушкин шкаф в прихожей. Там в ящичках хранились сокровища – бусы, разноцветные пуговицы, духи и какие-то старые помады. Любила стук колес трамвая, под который я засыпала, просыпалась и мечтала. О путешествиях и дальних странах. Когда все еще было впереди. И несут меня эти колеса в удивительную, счастливую, долгую, полную любви и добра жизнь.

Да, я любила там все! А в то лето, после Греции, я полюбила там еще и Максима. Мы оба перешли тогда, по-моему, в третий класс. И были совсем взрослыми.

Мы жили в одном доме, только я (точнее, мои бабушка и дедушка) – в первом подъезде, а он – в последнем.

У Максима была сестра Марина – девочка с длиннющими волосами, которым завидовало все женское население двора. А я – больше всех. Все свое детство я мечтала о косах, а мне делали спортивную стрижку. Я смотрела на Марину с бантами и причудливыми прическами, которые сооружала ей ее мама, и плакала. А еще у Максима был папа-болгарин с удивительной профессией, которая никак не укладывалась у меня в голове – голове образцового советского ребенка. Папа тот был дегустатором вин. И что это за работа такая, когда все уважающие себя люди сеют, жнут и куют сталь, я не понимала. И тем не менее я влюбилась в Максима, несмотря на его сомнительную генетику.

Мы с ним подружились и целыми днями пропадали во

дворах вместе с другими девчонками и мальчишками – играли в прятки, казаки-разбойники, бегали за трамвайные пути на базар за семечками. И мне казалось, что Максим тоже был ко мне равнодушен. Так, собственно, и было.

Наша взаимная симпатия скоро стала всем заметна. Нам кричали вслед:

– Тили-тили-тесто, жених и невеста!

Я краснела, но не могу сказать, что мне это не нравилось. Ведь это была любовь «один раз и на всю жизнь», как и с третьеклассником Андрюшкой из Греции. А значит, я и правда невеста.

Но дальше случилось обидное. Где-то в окрестностях располагался завод мясных продуктов. И рядом с нашим домом разместили плакат, рассказывающий о разных «мясных делах». В частности, там были нарисованы две свиньи – свинья-женщина и мужчина-свин. Взявшись за руки, они весело куда-то бежали. Видимо, на мясокомбинат, где, к радости потребителей, скоро станут какой-нибудь докторской колбасой. Под этими двумя свиньями кто-то написал «Максим» и «Лена».

Кстати, Максим тогда занимался борьбой и был нехилым мальчиком. Я предложила ему найти обидчиков и отомстить. А я догадывалась – кто это. На что он ответил, что не будет ссориться с мальчиками из-за какой-то девчонки. Такого оскорбления я не стерпела и тут же разлюбила его.

Несмотря на то что перечисленные выше объекты оказались недостойны моей любви, замуж я продолжала хотеть. И классе в пятом заявила маме, что сразу после школы создам крепкую семью. Чем повергла ее в очередной шок. Вообще, к шокам по моему поводу ей давно пора было привыкнуть. Но я, правда, хотела замуж не позже шестнадцати-семнадцати лет. Все, что после двадцати, казалось мне тогда глубокой старостью.

В это же время я опять влюбилась «раз и на всю жизнь». Это был мальчик из параллельного класса. Ваня. Правда, имя его мне, дочери дипломата, тогда казалось каким-то позорным и допотопным. Но сердцу, как известно, не прикажешь.

Мы встречались на переменах, во дворе, в школе на танцах. Каждый раз я ждала, что он пригласит меня на «медляк», но он не приглашал. Однажды я набралась смелости и сама пригласила его на белый танец. Мы встали на пионерское расстояние. Вытянутые руки и откляченные попы – чтобы прилично, без всякого nepотpeбствa. И «закружились»...

А потом я услышала, как он разговаривал с другими мальчишками.

– Вань, а Ленка в тебя влюбилась. Она вроде ничего...

– Да нуууу. Она же коротышка!

Я рыдала где-то неделю. И каждый день висела на турнике, чтобы хоть немного подрасти. И даже привязывала к ногам гантели. Я всегда была самой маленькой – и в саду, и в школе. За скромные габариты меня даже прозвали «на районе» Цуциком. Ох как было обидно!

Но в итоге висеть мне надоело, и я решила, что проще разлюбить. А несколько лет назад я случайно встретила того Ваню. Я его не узнала. Он меня узнал.

– Кучеренко, ты? Слушай, какая ты красавица! Может, сходим куда-нибудь? Кафе-ресторан? Я как раз развелся. Во второй раз.

Я смотрела на этого стареющего, лысого, обрюзгшего, нагловатого, явно пьющего мужчину и думала: «Какое счастье, что ты не знал про гантели и турник...»

Тогда, в пятом классе, я решила в глупых и «приземленных» мальчишек больше не влюбляться. И влюбилась в Сашу Хлопкова. Помните, была такая группа «Маленький принц»?

Все обои в своей комнате я обклеила его плакатами и мечтала сама стать певицей. Ну а как? Это ведь был единственный путь к моему «принцу». Вечерами я тренировала дома свои вокальные данные. А они у меня редкие. Я бы даже сказала – редчайшие. Если есть в мире человек, у которого слух и голос отсутствуют полностью без малейшего шанса их развить, – то это я. В стену стучали соседи, собака выла, кот писался от страха на занавески, папа купил себе беруши, а я

пела! Как это терпела мама, я не знаю.

А еще у моего папы было много разных кассет. Иногда – очень редких. Он записывал Высоцкого, других певцов, в том числе «вражеских», «империалистических», разных юмористов. Многого тогда было днем с огнем не сыскать. И когда к нам приходили гости, он гордо показывал им свою коллекцию и включал музыку. А мне очень хотелось записать Сашу Хлопкова. Чистых кассет не было, и я стащила из той коллекции первую попавшуюся. «Авось не заметит, их там больше сотни».

Стерев сама не знаю что, я записала сверху «Маленького принца». Пока родители были на работе, я слушала и наслаждалась. А перед их приходом возвращала кассету на место. Типа – все в порядке.

Все и было в порядке, пока к нам в очередной раз не пришли гости. Папа захотел «угостить» их какой-то особо редкой музыкой. Перед этим он загадочно говорил:

– Ой, у меня для вас такой сюрприз. Такого вы еще не слышали.

Вставил кассету в наш крутой «Шарп», нажал кнопку, и оттуда полилось:

– Прощай, мимо промчится ночь... Прощай, не повторится ночь, та, что ты подарила мне...

– Не знали, Александр Сергеевич, что вы увлекаетесь современной попсой, – сказали гости.

Вечером у меня был долгий и серьезный разговор с папой,

после которого я разлюбила Сашу Хлопкова.

И полюбила Виктора Цоя. Так начался мой пубертат. И родители пожалели, что ругали меня за «Маленького принца». Вместо платица, которое предлагала мне мама («Ну ты же девочка»), я была вся в черном, как ведьма, или таскала рваные джинсы, которые собственноручно исписала всяческими непотребствами. Папа был в шоке, потому что мне их привезли из-за границы и они еще недавно были дорогими и целыми. Еще я обвесилась килограммами всяких железок. И ходила с мрачным, все понимающим об этой жизни взглядом и напевала:

– Но если есть в кармане пачка сигарет...

И мама пила валерьянку.

Я мечтала сидеть на Арбате и лабать на гитаре. Хотя до сих пор умею играть на ней только «В траве сидел кузнечик», и то не попадая ни в одну ноту...

Потом мы уехали в Африку в очередную командировку, и я мечтала остаться там навсегда. Жить где-нибудь в далекой деревне в джунглях, есть бананы, петь песни и греться на 60-градусном солнышке. Потом вернулись в Россию, и я поучилась какое-то время на юридическом, а потом бросила все это занудное право и поступила в театральный институт на искусствоведческий. И, конечно же, мечтала стать звездой отечественного театроведения. И не буду скрывать – подавала большие надежды.

В общем, примерно так протекала моя жизнь, и личная – тоже... Забыла сказать, что я была в те годы не просто атеисткой, я была богоборцем. Как и положено «богеме» высокого полета. Чем хуже – тем лучше. И мечтала навсегда связать свою жизнь с театром. Точнее, с преподаванием в альма-матер. Как сказал один наш педагог: «Отсюда уходят только ногами вперед».

Кстати, тогда со мной случилась одна небезынтересная история. Точнее, история вообще-то очень страшная. Она не совсем о замужестве. Но, мне кажется, ее стоит упомянуть. Я уже говорила об этом в разных статьях, рассказах, но как бы о постороннем человеке. Не решилась тогда сказать, что это обо мне самой.

Каждый день мой путь лежал в родной институт через одну из станций метро. Там был книжный развал, на котором продавалась масса всякой литературы – от «про любовь» до «умной». И однажды мое внимание привлекла «страшно-научно-парапсихологическая» книга об исполнении любых желаний. А во введении автор (не буду поминать его имя всуе) уверял, что «все представленные в этой книге идеи можно найти в Библии». Библию я тогда не читала, Бога, как я уже сказала, никакого не признавала. Но при этом, странный парадокс, считала, что вся эта «религиозная писанина» плохо-

му не научит. Это утверждала и моя близкая подруга, которая по Библии... гадала.

Самым заманчивым в этой книге для меня оказалось то, что, оказывается, все желаемые события в жизни «можно формировать с помощью силы мысли». В качестве доказательства автор приводил церковную молитву, а потом плавно переходил на чакры, ауры, всевидящие третьи глаза, энергетические посылы и вселенские ответы на наши запросы.

«Церковь, чакры... Вдвойне надежней!» – решила я и купила «страшно-научную книгу», чтобы наформировать себе все, что душе будет угодно.

Как и всегда, в то время я мечтала выйти замуж. Но как-то ни я серьезно не влюблялась, ни в меня. А некоторые мои подруги уже родили к тому моменту детей. И если честно, я по этому поводу комплексовала.

В общем, очень кстати оказалась мне та книга, в которой автор-парапсихолог учил всех верить в себя, как можно шире открывать чакры навстречу своей мечте и вообще не сидеть сиднем, а самим формировать все вокруг. И давал для этого формирования «высокоэффективные молитвенные упражнения».

Как сейчас помню, нужно было напрячься, почувствовать чакру, оттопырить ее, поднять руки вверх, потом резко их опустить и на выдохе, изо всех сил, выпучив третий глаз и вибрируя всеми своими внутренними энергиями, выкрикнуть свою мечту.

Мы с одной моей сокурсницей, которая тоже мечтала о замужестве, даже тренировались в кафе нашего института – что-то формировали по мелочи. Не помню, удалось нам или нет, но это было не важно. Главной нашей целью была будущая счастливая семейная жизнь.

А потом, выбрав день, когда никого не было дома, я собралась со всеми моими внутренними энергетическими силами и полдня вибрировала и орала на выдохе:

– Я самая обаятельная и привлекательная! Все мужчины от меня без ума! Все хотят на мне жениться, только выбирай!

В итоге в стену мне начали долбить (возможно – женихи), а соседка позвонила в дверь со словами:

– Леночка, все нормально?

После обеда, не на шутку уверенная в себе и своем будущем замужестве, я пошла в Ленинскую библиотеку, поготовилась там к экзаменам, а больше посверкала глазами в направлении посетителей мужского пола – не это ли мой суженый, которого я «наформировала»?

Но с предложением руки и сердца никто не подошел.

«Ладно, тут все равно одни ботаны», – решила я и к вечеру отправилась домой.

Когда я вышла из метро на своей станции, уже темнело. Это сейчас у нас здесь все цивильно и чинно-благородно. Торговый центр, охрана, освещение... А тогда мне нужно было миновать рынок, пустырь с какими-то сомнительными недостроенными, но уже развалившимися зданиями по кра-

ям и общагу. Но этот не очень приятный путь я преодолевала каждый день и не по одному разу, так что ничего не предвещало приключений.

И вот шла я такая, «самая обаятельная и привлекательная», по тому пустырю и бубнила себе под нос как заведенная:

– Все мужчины от меня без ума... Все мужчины от меня без ума...

И тут подлетает ко мне какой-то парень, хватает в охапку и тащит за сомнительное здание. А вокруг – никого. Я пыталась брыкаться, но в руке у него блеснул нож. Помню, он не успел еще ничего сказать, а я с перепугу отдала ему и кошелек, и телефон, и даже косметичку – вообще святое для любой девушки. Но он презрительно вернул ее обратно.

– Отпустите, – плакала я, – у меня больше ничего нет. У меня дома мама больная – сердечница. Давление у нее.

– Раздевайся, – сказал он мне вдруг и как-то странно на меня посмотрел.

Я сначала даже не поняла. А он так ножичком у меня перед носом играет. И тут до меня дошло!

«Наформировала! Довибрировалась! Открыла чакры! Самая обаятельная и привлекательная, говоришь? Получи! На тебя уже на улице бросаются! Сейчас он прямо здесь на тебе и женится...»

Но это я сейчас могу вспоминать все это спокойно и с юмором. А тогда я почувствовала, как от ужаса волосы на

голове встают дыбом. И ведь правда, встают.

Помню, как я начала медленно снимать куртку – был ноябрь месяц. И вдруг увидела вдалеке купола нашего храма – Архангела Михаила.

Я никогда там не была, считала, что там собираются какие-то психически больные мракобесы и молятся какому-то Богу, которого никто никогда не видел. Можно подумать, чакры кто-то видел. Но в них я верила свято. Но я знала, что храм этот называется в честь какого-то Михаила.

Надеяться мне в тот момент было не на кого, вибрировать энергиями не было сил, отформировывать события об-

ратно – тоже, и я, снимая куртку, которая, к счастью, заела, смотрела на эти купола и вопила про себя: «Спаси меня, ну пожалуйста! Как Тебя там... Бог! И ты, Михаил какой-то там!»

– Нет, не раздевайся! – вдруг сказал убивец. – Я передумал.

Помню, я так растерялась, что даже спросила:

– А почему?

Но он не объяснил.

– Меня зовут Сергей, – представился парень. – Лучше я провожу тебя домой, чтобы никто не обидел.

Вернул мне вещи, вцепился в рукав и потащил.

Помню, я даже задохнулась от возмущения: «Чтобы никто не обидел! Вот гад!»

Но все это про себя, конечно же. Но поспешила, пока он опять не передумал.

По пути парень рассказал, что у него есть любимая овчарка, а сам он очень одинок. Все это с тем же ножичком в руках. У моего подъезда стояли знакомые, и мне удалось отвязаться от моего странного провожатого. А дома у меня началась истерика, мне вызвали скорую и вкололи какое-то успокоительное.

На следующее утро, придя в себя и немного осознав, что произошло, я пошла в тот храм. Нашла священника и рассказала ему эту историю. Мы очень тепло тогда поговорили. Суть его речи была в том, что нечего формировать чего ни

попадая и заигрывать с кем попало – с темными силами.

– Хочешь замуж – молись, – сказал батюшка.

Когда я писала об этом рассказ, моя лирическая героиня через это происшествие пришла к Богу. Но, увы, сама я к Богу тогда еще не пришла. Хотя «какого-то там Михаила» поблагодарила. У меня все было еще впереди. Но Бога я опять забыла. Скажу больше – я почему-то еще активнее стала против Него «бороться». А молиться, чтобы получить хорошего мужа, мне казалось тогда скучным, банальным и глупым.

Ну да, кричать на выдохе, выпучив третий глаз, куда ответственнее.

* * *

Шло время, я заканчивала институт, писала свой диплом, ради которого устроилась работать в архив литературы и искусства, и готовилась поступать в аспирантуру. В том архиве у меня появилась подруга, которая была замужем за очень странным и не совсем здоровым, с моей точки зрения, человеком. Верующим! Звали его Александр.

Он, кстати, сам уверовал незадолго до этого и по чистой случайности. По образованию он психолог и, проходя мимо Крутицкого подворья, увидел, что там требуются сотрудники этого профиля в реабилитационный центр для оккультно-пострадавших. Ну и устроился. Но уверовал так, что содрогнулись все знакомые, а также и земля.

Родители его, простые провинциальные работяги, увидев приехавшего в отпуск сына в его новой ипостаси – с косою до пояса сзади, с бородой до пояса спереди, всего в черном, обвешанного четками, иконами, бременами неудобноносимыми, с закатившимися в непрестанной Иисусовой молитве глазами и заунывно поющего знаменным распевом, – испуганно засуетились и начали называть Сашу на «вы».

Мама метала на стол все, что было в печи, надеясь, что сыночка покушает и его отпустит. Что такое «все, что в печи» по-украински (а дело было там), я даже рассказывать не буду. А то вы слюнями захлебнетесь. Папа, с этой же целью, пытался опоить духовно преобразившегося сына горилкой. Но Александр хоть и уверовал буквально на днях, но крепко и навсегда. И культурно, по-церковнославянски, от дьявольского зелья отказывался...

А тогда я с пеной у рта доказывала этому Александру, что Бога нет, а сам он – отсталый и пришибленный религиозный маньяк. Еще и опасный, потому что утверждает, что мужчина – глава семьи, а жена «да убоится». Борода его – позорный артефакт мракобесия, и ее надо срочно сбрить.

Он терпеливо слушал меня, еще терпеливее что-то объяснял. А когда моя богоборческая пропаганда совсем выходила из берегов и я прыгала вокруг него с выпученными глазами, нежно брызгал меня святой водой. А я верещала еще сильнее. Один раз, израсходовав на меня всю имеющуюся у них в квартире воду, но так и не утихомирив, Александр

просто ушел из дома. Не из-за жены, из-за меня – ее подруги. Потом, правда, вернулся. Так мы, собственно, и дружили.

Среди посетителей того гостеприимного дома был еще один странный человек. Это сейчас он – многодетный и степенный отец Вячеслав и крестный одной из наших дочерей. А тогда был просто Славой – стремным, бородатым и крестящимся через каждое слово типом. Под стать Александру. Они были психологами-напарниками на том подворье. А с моей тогдашней точки зрения – первыми пациентами. Религиозными маньяками. Как в том анекдоте: «Кто первый в психушке халат надел, тот и врач».

Я с удовольствием спорила с ними обоими на все эти религиозные темы. До того момента я была в храме, наверное, два раза. Первый – когда меня крестили, второй – тогда, после истории с насильником и Архангелом Михаилом. Библию я не читала и попов в глаза не видела, хотя считала их наглыми и зажравшимися. Тем не менее насчет всего церковного имела свое четкое, а главное – аргументированное мнение.

– Ну, ты хотя бы приди на службу, посмотри, – говорили мне мои бородатые друзья.

И однажды я сдалась и пришла к ним на подворье – просто поглазеть на идиотов.

Была литургия... Я встала в сторонке, прислонилась к стене и приготовилась многозначительно вздыхать и закатывать глаза. Но что-то «пошло не так». Тогда со мной и случилось

огромное чудо. А я очень люблю рассказывать о разных чудесах. Я знаю, что в христианстве они – не главное. Но это милость Божия к нам – слабым людям. И большое утешение.

Мне даже сложно объяснить, что тогда случилось. Я вжалась в стенку, по щекам у меня текли слезы, я была счастлива. У меня внутри что-то оживало. Наверное, это была душа. Я вдруг поняла, что Бог есть. Вот же Он. Он обнял меня, прижал к Себе и говорил, как ждал меня все эти годы. А я уткнулась Ему в грудь и боялась шелохнуться. Вдруг это все закончится. В тот миг я знала, что здесь, рядом с Ним – мой дом, и я уже никогда не смогу отсюда уйти. От этих странных

женщин в платках. От «стремных» крестящихся мужчин. А главное – от Него.

Господь принял меня тогда со всеми моими ошибками, падениями, заблуждениями, со всем моим глупым богоборчеством. Это была притча о блудном сыне в моей собственной жизни. Явная милость Божия. Евангелие – это ведь не что-то, что было давно. Оно – сейчас. И есть, и будет...

– А мы тебя давно ждем, – сказал с улыбкой Слава, увидев меня на службе.

Он тоже был тогда там.

– Странно... Я же не из этих, ваших... Не из маньяков, – попыталась я еще потрепыхаться.

– Такие, как ты, как раз из наших.

И я понимала, что он прав. Я оказалась из тех самых маньяков.

* * *

Какое же это было удивительное время, как же я по нему скучаю! Неповторимое церковное детство, когда нет никаких сомнений и полутонов. Черное – это черное, а белое – это белое. Без юбки в пол мы все умрем страшной смертью и попадем в ад, безбородый мужчина – это как минимум евнух, как максимум – женщина, а платок нельзя снимать даже под душем. Макияж – это от лукавого, и благочестивее пахнуть потом, чем бесовскими духами. На твоих глазах каж-

дая вторая икона «миропочит» (кстати, я сама пару раз объявляла в разных храмах о явленном у них чуде, а потом оказывалось, что просто мыли иконы), и каждое слово батюшки – богодухновенно, какую бы глупость он ни сказал. Да и вообще, каждый «поп» – это прозорливый старец. И сам ты вдруг начинаешь говорить на каком-то допотопном, витиеватом, безграмотном языке, через предложение вставляя «Спаси, Господи», и «Христос посреди нас», и «Аминь». И не говоришь ты вовсе, а глаголешь. Как все нормальные православные.

Ты не дурак, нет! Ты просто открыл для себя новый, волшебный мир, захлебываешься от любви к Богу, и единственное, чего ты хочешь, – это припасть к Его ногам, веровать и исповедовать. А лучше всего умереть за Христа – здесь и сейчас, не сходя с этого места. Душа тогда горела, как не будет гореть больше никогда. Ты молишься легко и радостно, по поводу и без повода. При выходе из дома, при входе, готовя себе завтрак, заваривая чай... Просишь Бога обо всем – о здоровье, о погоде, о хороших снах и настроении. Господь слышит эти твои глупые молитвы. И отвечает на них. И на каждом шагу ждут прозрения, откровения и чудеса. И жить ты хочешь исключительно богоугодно – по православным миссионерским книжкам. Ну и, как в этих книжках и написано, отныне и навеки я видела для себя только два возможных пути – монашество или огромная православная семья.

Монашество я пока оставила про запас – умереть для ми-

ра никогда не поздно. А вот с семьей решила поспешить. Тем более что мне уже было глубоко за двадцать. Именно «глубоко», потому что тридцать пять, например, в моем тогдашнем представлении – это был предел не только детородного возраста, но предел вообще всего для женщины. И у меня оставалось не так много времени. А ведь мне еще нужно было родить минимум пятерых детей. Православную семью я иначе себе и не представляла. Трое – это так, для легкомысленных протестантов.

Правда, выглядела я тогда так, что семья мне вряд ли светила. Даже с каким-нибудь фанатичным неменяемым ортодоксом. Уверовав, я в одночасье выбросила всю свою современную одежду, нацепила длинную юбку в пол, голову повязала старой бабушкиной шалью, а также позаимствовала мамино допотопное пальто, которое она собиралась вынести на помойку. Повсюду я таскала за собой огромный православный молитвослов, который с озаренным видом читала в метро, и метровые плетеные четки. В общем, выглядела я как нечто среднее между средневековой странницей и бомжарой. Мама даже как-то предложила мне переодеться во все черное и рваное времен Виктора Цоя. Это выглядело, на ее сугубо мирской взгляд, даже попрличнее.

В ГИТИСе, правда, где я училась, на этот мой новый образ не очень обращали внимание. Считалось, что богеме положены разные милые странности. У нас иногда и не так одевались. А вот на улице меня периодически останавливали. И

я очень гордилась, когда меня спрашивали, не из монастыря ли я. Я виртуозно уходила от ответа, давая понять, что: «Возможно, возможно, но уж во всяком случае я – совсем не то, что вы – бездуховные миряне». И когда на меня смотрели как на сумасшедшую, чувствовала себя настоящей юродивой, готовой пострадать за все святое, против всего бесовского.

Но страдали пока все вокруг. Не зря же говорят: «Если в семье появился праведник, все остальные превращаются в мучеников». Естественно, первым объектом моей внутрисемейной борьбы стал телевизор. Когда моя, далекая от веры, мама начинала его смотреть, я, благочестиво закатывая глаза, тут же выключала.

– Лучше бы святых отцов почитала, Евангелие или правило вечернее. Придет Господь, с чем перед Ним предстанешь? С телепрограммой в руках? А в Царствии Небесном телика не будет. Хотя где вы все и где Царствие Небесное...

– Леночка, это же всего лишь новости, – испуганно говорила мне мама. – Программа «Время».

– Какие тебе еще «Новости» нужны, кроме Апокалипсиса, – пыхла я. – Постись, молись и жди конца света.

Смотреть телевизор мои домашние могли теперь только ночью. И тогда же нормально питаться. Днем я хрустела перед ними своей постной травой и рассказывала о вечных муках и геенне огненной для таких невоздержанных грешников, как они.

– Сегодня среда, а ты мясо ешь, – по традиции закатывала я глаза перед мамой. – А знаешь, что старцы говорят? Хотя где ты и где старцы...

Мама теряла аппетит, а ночью я пару раз застала ее крадущуюся к холодильнику. Я, кстати, в это время молилась. Потому что какой-то старец сказал, что ночная молитва – самая сильная.

– Эк тебя бесы крутят, – говорила я маме. – Даже спать не можешь.

– Леночка, я кушать хочу.

– Так молись, чтобы Господь избавил тебя от греха чревоугодия.

Ну и так далее...

* * *

Мучениками стали не только у меня дома, но и за его пределами. Помню, однажды я побила в метро дядечку. Ни больше ни меньше.

Предыстория рукопашного боя была такая... В Вербное воскресенье я отправилась с паломнической поездкой в один из монастырей Подмосковья. Там нам вручили традиционные веточки, и одну из них позже угораздило пустить корни у меня дома в вазе с водой, а также листочки. В то время на почве моего религиозного фанатизма я сошлась с такой же женщиной по имени Валентина. В ту поездку мы отпра-

вились с ней вместе. Я позвонила ей и рассказала о «явленном мне, грешной и недостойной, чуде» – вербиных корнях. Рассудив по-православному, Валентина сказала, что это явно какой-то знак свыше, потому что вербы очень прихотливы и у разных неблагочестивых проходимцев корни не пускают.

Утвердившись во мнении, что случилось нечто Божественное, я позвонила психологу Александру – тому самому «стремному» бородатому типу, благодаря которому я и пришла в Церковь и который теперь стал моим большим другом, и начала изливать на него свои восторги по поводу распустившейся вербы. А также строить предположения, что это за такой «указующий перст» и на какую волю Божию обо мне он указывает.

Послушав меня час-другой, Александр, видимо, сделал насчет меня какие-то свои психологические (а может, и психиатрические) выводы и предложил посадить веточку у них на Крутицком подворье рядом с храмом: «Благодать к благодати». Пообещал каждый день поливать ее святой водой и заверил, что вместе с этим несчастным отростком Дух Святой у меня из квартиры никуда не уйдет.

В свой ближайший выходной я поехала с этой божественной чудо-вербочкой на то подворье. Я попала в самый час пик, и в метро была жуткая давка. Как могла, я оберегала свою святыню от разнообразных нечестивцев, которые то и дело норовили ее помять или поломать. Но какому-то мужчине не повезло, толпа подхватила его и кинула как раз на

мою веточку. Мне удалось ее спасти, но мое религиозное чувство было окончательно оскорблено.

– Она же из монастыря, ты чё, совсем обалдел? – кричала я.

Кричала я на самом деле немного по-другому, но это вряд ли напечатают.

– Смотри, куда падаешь, козел! Ах, не виноват?!?

Мужчина испуганно просил прощения, но мне его покаяние показалось фальшивым и лицемерным. Да и вообще, верующие люди на освященные вербы не падают. Ясное дело – бесовский засланец. Я еще долго потрясала кулаками,

выкрикивала разные «православные лозунги», перемежая их вполне себе современной и доступной всем слоям населения лексикой, и даже пыталась драться. На мое счастье, мужчина попался тихий и безобидный и только робко ставил блоки. И на ближайшей станции вышел. А пассажиры, наблюдавшие за всем этим, благоразумно освободили вокруг нас с вербочкой побольше места. Ну и правильно. Как говорится: «Я – православный, я и убить могу!»

* * *

Ну а параллельно с этими моими духовными подвигами я, как водится, очень хотела выйти замуж.

Как, наверное, любая новоиспеченная рьяная христианка, тем более – из очень далекой от всего религиозного семьи дипломатов, я мечтала о спокойной богоугодной жизни где-нибудь в тихом уголке... Желательно – вообще в глухой деревне. В идеале – рядом с монастырем или скитом. В окружении кучи детишек и под предводительством бородатого мужа. А в том скиту будет подвизаться наш духовник – прозорливый старец. Которого мы будем во всем-всем слушаться. И все свои проблемы будем решать у него. Но у нас и проблем-то не будет. А будет тишь-гладь и православная благодать.

Муж у меня будет большим, ответственным и несентиментальным. Как и подобает главе семейства. Про бороду я

уже сказала. А я буду тихой и кроткой. Какой и должна быть жена. И не буду ни в чем ему перечить.

Муж скажет мне часа в два ночи:

– Эй, жена, а ну-ка неси сюда квасу!

И я буду просыпаться, ласково улыбаться и слушаться...

Мечтала об огороде, где будет расти все-все... Укроп-петрушка, лук, корнеплоды разные, салаты, редиска, огурцы-помидоры, чесночок... Клубника, малина, смородина, крыжовник... Да все, что есть в съедобной природе. И трудимся мы там с мужем радостно, как бунинские косцы. И о России песни поем.

О яблоневоm саде мечтала... Сидим мы там в холодочке после трудов. За столом, который муж своими руками сделал. А не этот ширпотреб из «Икеа». Чай пьем из дровяного самовара. Электрочайник? Нет, не слышали.

И муж такой опять:

– Эй, жена! Яблочного повидла к чаю хочется!

И я опять улыбнулась, метнулась, махнула ему ласково на бегу белым платочком, нарвала яблок, почистила, построгала тут же – все с улыбкой. Наварила таз повидла, подула, остудила и мужу с поклоном подала. Делов-то.

Ну и по мелочи еще в том саду – груши, сливы, алыча, вишни...

О курах своих мечтала, таких, чтобы неслись нещадно. О козочках и коровке. О том, как буду доить их на рассвете.

Муж такой, проснувшись с петухами и потянувшись,

опять по традиции:

– Эй...

А я и так уже все знаю. Встала затемно, яичек из-под сонных кур повиытаскивала, саму курицу – того... Ощипала, отварила, лапшички намутила, курник испекла в деревенской печи... А, до этого еще дров нарубила, но это ерунда. Молочка надоила. И все это мужу с улыбкой подаю. Православная жена...

Не беда, что до этого я корову видела только в виде говядины в магазине, а курицу мне даже мороженую жалко было варить. Помолюсь – и все получится.

А какие детишки у нас будут... Загляденье. Еще до встречи с моим будущим мужем (это я забежала вперед, но, таки да, она рано или поздно произойдет) я прочитала кучу книг о беременности, родах и воспитании детей. Православных, конечно же, – это было уже после воцерковления. И была уверена, что все мое материнство будет сплошной одухотворенной радостью. Ведь младенцы – это ангелы, которые спускаются к нам с небес. И вести они себя должны соответственно. По крайней мере, мои будущие многочисленные младенцы уж точно.

Мы будем стоять рядочком на долгих монастырских или скитских службах. Стройно, как свечечки. И чем дольше будут эти службы, тем ровнее мы будем стоять. Девочки-красавицы – в платочках и длинных юбках в цвет каждого праздника. Как и я, собственно. А сыновья – наша гордость (а без

сыновей я нашу семью не мыслила, что это за православные (без мальчиков) – будут в косоворотках и шароварчиках в тон нам, друг другу и святцам. И в прическах кружочком. И муж такой же, только размером побольше. Естественно, все эти наряды я буду шить сама. Ткать-то вряд ли, все же мы люди современные, но шить точно. Не важно, что руки у меня всю жизнь крепились к филейной части. Опять же, помолюсь – и вырастут, откуда надо.

Как же мы будем трепетно молиться! И мы с моим любимым супругом, и детки-ангелы. Они не то что не будут озорничать, они даже дышать забудут от трансцендентального восторга. А святые будут умиленно на нас взирать с икон. А иконы эти замироточат. И свечи растроганно растают. И батюшки расплачутся от радости. О церковных бабушках я вообще молчу. Здесь вообще реанимацию нужно будет вызывать.

А до служб мы еще дома будем молиться – на рассвете. Это после того, как я ночью дров нарубила, корову подоила, курицу зарубила и курник испекла. Потом колодезной водой умылась и свежая, как розовый бутон, – к иконостасу. Потому что муж уже такой:

– Эй, жена...

И младенец во чреве (седьмой или десятый, со счета сбилась) уже пинается нетерпеливо. Тоже ведь дитя Божие. Духовной пищи просит.

Мечтала, что, когда наши детки вырастут, девочки станут

матушками, а мальчики – батюшками. А кто-то монахом или монахиней. Что это за семья без монаха-подвижника? И пойдут у нас с мужем внуки. Двадцать. А может, и тридцать. И будут наши дети привозить их к нам в деревню. И станем мы, бабушка и дедушка, для них примером духовной жизни. Наставления бесценные перед смертью дадим. Если, правда, до этого по монастырям не разоидемся. Как Петр и Феврония. Но наставления можно и из монастыря давать.

И на каждом шагу с нами будут происходить чудеса. Так я мечтала...

* * *

Но чудес особых пока не происходило. По крайней мере, на моей любовной ниве. Хотя я уже и стиль поменяла. Я уже поняла, что в старом маминном, поеденном молью, пальто и бабушкиной шали даже с православными мужчинами каши не сваришь. Какая-никакая, но вкусовая палитра и у них имеется. И стояла я теперь на службах в красивом платочке с серебристой вышивкой (был у меня такой), не забыв выпустить из-под него кудри, – товар лицом, так сказать. И даже макияж с духами амнистировала. И все равно не спешили ко мне бородатые женихи с предложением руки, сердца и домика в деревне.

А если серьезно, поняла я, что даже для создания православной семьи моей мечты, больше похожей на ролевою иг-

ру, необходима такая банальная вещь, как любовь. В общем, не «екало», когда все же изредка кто-то подходил знакомиться.

Я начала отчаиваться и решила завязать уже со всеми этими суетными земными делами и использовать «запасной аэродром» – уйти в монастырь, в общем. Но, помню, случилось одна вещь, которую я, огненная неофитка, тогда восприняла как знак свыше – будет муж и дети будут. Случилось это в Оптиной пустыни, куда привел меня Господь, я в этом уверена. Прошу прощения, что все время отклоняюсь от темы, но уж очень я люблю вспоминать то время.

Это был первый год моего воцерковления. Долгое время мне постоянно попадалась на глаза книга «Пасха красная». То в бесконечных храмах, по которым я курсировала, то у моих новых православных друзей на полках, то на книжных развалах. Тогда они встречались на каждом шагу. Как сговорившись, мне все ее советовали, но я почему-то не хотела. Она казалась мне какой-то кровавой. И посередине – на обложке страшные черные монахи. «Книга о смерти», – думала я. Хотя даже не знала, о чем там написано. Однажды мне буквально сунул ее в руки продавец, стоящий у того же лотка на той же станции метро, где я купила книгу про чакры и формирование силой мысли всего на свете. И я сдалась. Хотя опасалась, что получится как в прошлый раз.

Прочитала ее я на одном дыхании, захлопнула и через несколько дней уже была в Оптиной пустыни с какой-то пер-

вой попавшейся паломнической поездкой. И влюбилась в нее сразу и навсегда. Она навсегда стала моим чудом, моим местом силы. Здесь поет душа и дышится легко.

Я мало что помню из того путешествия. Все было как-то сумбурно. Мы бегали с нашим гидом Сашей туда-сюда, никуда не успевали, даже в туалет. Помню – так же на бегу запрыгнули в источник Пафнутия Боровского, и я думала, что тут же и умру. Но даже при всей этой суете я чувствовала, что это мое. И не хотелось никуда уезжать. Но потом помчались в Шамордино и там тоже окунулись. Для закрепления результата. У меня так тогда свело мышцы, что не могла пошевелиться, только тряслась. А еще в Шамордино меня от-

правили на кухню мыть посуду. Вода была ледяная, мне было плохо, и я решила с уходом в монастырь точно повременить.

Но до этого со мной в Оптиной случилось большое чудо. Тогда у меня болел раком отец. Состояние его было уже тяжелым, анализы очень плохими. Он буквально разлагался изнутри, и дома у нас стоял жуткий запах. И в Оптину я поехала в том числе попросить о его здоровье.

Я зашла во Введенский храм, увидела икону целителя Пантелеимона, она там справа, и начала молиться, чтобы он исцелил моего отца. Было воскресенье, стена народа. И вдруг через всю эту толпу ко мне пробирается очень странный человек – как из какой-то ролевой игры. Косоворотка с народными мотивами, прическа горшочком (о какой я мечтала для моих будущих сыновей), кирзовые сапоги, борода как у Карла Маркса. Ряженный, в общем.

– Неважно живешь, – сказал он мне.

Поспорить было сложно. Жила я тогда правда неважнецки.

– Тебе обязательно нужно взять масла из лампадки целителя, – продолжал он. Схватил за руку и потащил сначала искать пузырек, а потом – монахов. Чтобы взять благословение. Как я тогда поняла, в монастыре без благословения даже шагу ступить нельзя. Но я особо не сопротивлялась, так как была уверена, что в таких местах ничего просто так не происходит. Везде одни знаки и знамения. А этот заигравшийся в ролевые игры человек – ни больше ни меньше как

Ангел Божий. Как покажет будущее, я была не очень далека от истины.

– Ты еще детей своих будешь им мазать, – сказал мне Ангел в кирзовых сапогах.

– Да у меня и мужа-то нет.

– Скоро будет и муж!

Так я впервые услышала «Оттуда» о моем замужестве. По крайней мере, я так думала. Помню, потом я пошла еще на могилы новомучеников – отца Василия, иноков Трофима и Ферапонта – и попросила их тоже о муже и папе.

Вернувшись домой, я рассказала маме о странном человеке и масле. Она попросила у меня пузырек и влила несколько капель отцу в рот. По прогнозам врачей, ему оставалось совсем немного.

– А где запах? – спросила на следующий день медсестра.

Она приходила к нам домой делать уколы. Мы и не заметили, что этот отвратительный запах смерти исчез. Вскоре отцу сделали анализы, и они были нормальными. Он встал, а до этого только лежал. Начал опять ходить на работу. Он прожил еще несколько лет и впервые в жизни исповедовался и причастился. Слег он только за три дня до смерти.

Прошли годы, и, листая церковный календарь, я увидела, что 24 октября – день памяти Оптинских старцев. Чьими молитвами и случилось то чудо, я уверена. И 24 октября у моего отца день рождения.

Забегу вперед. Расскажу еще об Оптиной, раз уж начала. Потом уже и у нас с мужем (я таки выйду замуж) случится там чудо с картошкой. Маленькое, но очень теплое.

Мы оставили тогда нашу единственную дочь Варю моей маме и вдвоем отправились в этот монастырь. Сняли две койки в вагончике в соседней деревне и прожили там десять дней, принимая ванну в реке Жиздре и там же стирая.

Позже мы очень подружимся с хозяином угодий, где мы жили, Петровичем. Сейчас ему больше 90 лет, он в здравом уме. Разводит пчел, качает мед, обрабатывает свой огромный огород, копает картошку, сам водит какую-то жуткую машину еще советских времен и в четвертый раз женат. Я его навестила этим летом.

А 15 лет назад мы просто постучали с мужем в первый попавшийся дом.

Тогда в окрестностях Оптиной не было ни трапезной, ни продуктового магазина. Или мы просто о них не знали. Мы привезли с собой из Москвы гору лапши быстрого приготовления и кофе «3 в 1». Этим и питались. Где-то через 4–5 дней желудки у нас завязались в узлы, лично мне было уже не до молитвы и всего другого высокодуховного.

Помню, шли мы как-то со службы. Живот у меня болел невозможно. А в вагончике нас ждала вся эта химия. «Гос-

поди! Сейчас бы картошечки отварной», – подумала я.

Смотрю, а у нас под ногами разорвавшийся пакет с картошкой. И никого. Взяли мы ее и потащили в свое «логово». И попросили жену Петровича (по-моему, тогда еще вторую) сварить нам ее. За деньги.

– Да вы бы раньше попросили, я вам и своей бесплатно бы сварила, – сказала она.

Но вкуснее той найденной картошечки я мало что ела.

* * *

В другую нашу поездку мы познакомились там с Ольгой. Сейчас она в Израиле, в монастыре. А тогда мы ехали на такси из Козельска в Оптину и увидели женщину, которая шла пешком. А идти ей было километра три. И подвезли.

Ольга оказалась постоянной паломницей Оптиной пустыни и духовным чадом игумена Антония. Сама она из одного российского южного города, но приезжала сюда каждый год. Мы с ней подружились и общаемся до сих пор.

В ту поездку Оля много водила нас по окрестностям монастыря, показала источники, волшебной красоты озеро за скитом. Вместе мы съездили в Шамордино. А еще она много рассказывала о своем духовнике и хотела меня с ним познакомиться. Но, если честно, игумена Антония я боялась тогда панически.

– Отец Антоний – удивительный человек. Он занимается

теми, от кого все отказались, – рассказал мне как-то один местный батюшка. – Всякие колдуны, ведьмы, бесноватые, которых и исповедовать-то страшно. У одних монахов те-тушки окормляются. Все такие послушные. Другой – «по ба-бушкам – белым платочкам». А вся нечисть – к отцу Анто-нию. Он их вечно спасает.

Большой, суровый, немногословный, с каким-то пронизи-вающим взглядом и вечными листовками и брошюрами, ко-торые он дает всем в руки. В общем, я тогда воздержалась.

А через несколько лет у одной моей знакомой, дорогого мне человека, родилась дочь. Отец ребенка сразу сбежал. А она сама вдруг впала в какое-то лютое богоборчество и на-чала проклинать Бога, Церковь и «попов». Это было что-то страшное. Мне очень тогда хотелось, чтобы у нее как-то все наладилось, чтобы она нашла утешение хотя бы в храме, но это было невозможно. Она и со мной прервала общение на этой почве.

В те дни ко мне в Москву в гости приехала Ольга. Я рассказала ей эту историю, и она предложила мне написать письмо отцу Антонию. Попросить помолиться. А она пере-даст. Она как раз направлялась в Оптину пустынь.

Я описала все это и передала. И очень скоро мне позво-нила та моя знакомая и попросила стать крестной ее дочери. Я сначала не могла поверить, зная ее отношение к правосла-вию.

Где-то через год я увидела отца Антония и хотела побла-

годарить. Но только открыла рот, как он дал мне в руки какую-то книжку:

– Читай вот эти страницы.

И в этой книге я нашла ответы на многие мучившие меня вопросы. А они были, и очень серьезные.

Прошлым летом я была в Оптиной пустыни с дочками. Мы сидели на лавочке, и мимо нас прошел отец Антоний. Суровый и собранный, как всегда. Увидев Машу, он вдруг заулыбался, остановился и начал с ней общаться. Тогда я набралась смелости и поблагодарила его за те молитвы.

К Маше в Оптиной вообще все очень тепло отнеслись. Чуть позже вы поймете, почему это так важно для меня. Один монах начал с ней играть и дал нам просфоры. Другой, проходя мимо, спросил меня:

– Это ваша дочь?

– Да.

– Как ее зовут? Я буду о ней молиться.

Молитесь, пожалуйста, батюшка.

* * *

Однажды мы познакомились в Оптиной с семьей. Точнее, познакомились папы. К моему мужу, который был с тремя дочками (и это еще, как окажется в будущем, будет не предел), подошел мужчина. И представил трех своих сыновей-тройняшек. На этой почве они и начали общаться. А по-

том уже подтянулись и мы, мамы.

Мама трех мальчиков рассказала, что у них с мужем долго не было детей. Лечились, молились, и все никак. Когда они уже готовы были отчаяться, кто-то рассказал им об Оптиной пустыни и преподобном Амвросии. Они приехали сюда, молились у мощей, читали акафисты. И через месяц она забеременела. Тройней! Когда мы их встретили, мальчишкам был год. И они все приехали в монастырь благодарить Бога и Амвросия Оптинского за это чудо.

Да... Оптина – это мое место силы. Удивительная, святая земля, по которой ходили великие старцы. И сосны до неба, которые их видели. Как же было тяжело в этот карантин. Когда мы сидели в деревне, совсем рядом, а она была закрыта. Вот же она, а не попасть. Я приезжала туда и бродила вокруг. Встречала в лесу монахов.

– Мы скоро откроемся, приезжайте, – утешали они меня. Но об Оптиной я могу говорить бесконечно... Наверное, на этом стоит уже остановиться. И вернуться к началу.

* * *

Та моя самая первая поездка случилась в мае. Я продолжала учиться, работать и верить, что «будет и муж», как сказал мне тот странный человек из Оптиной пустыни. И я буду мазать тем маслом своих детей. Я так же ходила в храмы. Не один какой-то, а в разные. Я тогда почему-то еще не осела у

нас – в Архангела Михаила, рядом с домом. Часто бывала на Крутицком подворье у отца Даниила Сысоева. И у Саши со Славой. Мне очень нравились лекции, которые отец Даниил читал по четвергам. И каждый четверг мой маршрут был такой – Покровский монастырь, куда я ездила к Матроне Московской, а потом оттуда шла пешком на «Пролетарскую».

Сделаю маленькое отступление, раз уж пишу о замужестве. Недавно я говорила с одной женщиной из нашего храма. Она очень переживала за свою внучку. Ей было уже

25 лет, а замужем она не была. А подруги ее уже детей родили. И начала ходить по разным тусовкам, курить. В общем, бабушка грустила. И как-то предложила своей совсем не церковной внучке съездить в Покровский монастырь к Матронушке.

– Ой, да ладно, бабушка, что я там буду делать?

– Помолишься, записочки оставишь.

Согласилась, съездили. И через два месяца внучка была замужем за очень хорошим человеком.

Но вернусь к своей истории... Помню, отец Даниил очень увлеченно говорил о Священном Писании. Я, как человек неподготовленный, ничего не понимала и не знала, чем Ветхий Завет отличается от Нового, а всенощная от литургии. Но мне очень нравилось. А больше всего я любила пить чай вместе со всеми после занятий – за чинной благочестивой беседой в старинной каменной палате, приспособленной под кухню. Я чувствовала себя частью чего-то большого и важного.

Как-то я подошла к отцу Даниилу со своим: «Хочу замуж». Но он как-то странно на меня посмотрел и сказал:

– Еще успеешь.

В какой-то из дней я поехала на Крутицкое подворье не через Покровский монастырь, а заехала сначала в Храм Христа Спасителя. Я заказала там записки и спросила женщину за свечным ящиком, кому лучше молиться о замужестве.

– Помолитесь Ксении Петербургской. Вот, кстати, у нас

есть книжка о ней.

О Ксении я тогда услышала впервые. Я вычитала, что она, правда, помогает выйти замуж. В доказательство в конце были приложены многочисленные свидетельства очевидцев. А на последней странице был написан адрес часовни на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге, построенной на месте ее захоронения.

Сейчас же мчаться туда, как в Оптину пустынь, у меня возможности не было. Но я решила написать «работникам» часовенки письмо. Я сидела тогда на работе, вокруг ходили люди и с удивлением смотрели, как я обливаю слезами многочисленные листы.

– Лена, с тобой все нормально? – спрашивали меня.

А я отмахивалась и писала. О моей никчемной жизни – о том, как была богоборцем, как жила себе развеселой богемной жизнью. А я уже говорила, что училась в театральном вузе. О том, как пришла в храм, все осознала, покаялась. И вот теперь я в юбке и платке и хочу хорошую, крепкую семью. Ну и о тихом уголке с коровкой и молитвой на рассвете. И умоляла «передать» все это святой. Раз уж говорят, что она помогает. Чтобы она, несмотря на вышеперечисленное, все же сжалилась и помогла мне выйти замуж. И подкрепила свою мольбу всем, что было у меня в кошельке. Как сейчас помню – то были последние 150 рублей. И попросила почему-то отслужить в часовне панихиду по ней. Что по ком случится, я тогда не вникала, но просила искренне. Пошла на

почту и отправила письмо. И почему-то я тогда твердо была уверена, что теперь-то все точно будет хорошо.

Это было в середине июля. А через две недели, в самых последних числах месяца, я получила ответ из Питера. Меня благодарили за пожертвование, писали, что все сделано – молебен отслужен, еще какие-то слова поддержки. А еще в конверт был вложен маленький цветочный лепесток, освященный на могиле Ксении Петербургской. И опять у меня было чувство уверенности, что все получится. Где-то ТАМ уже крепко взялись за устройство моей судьбы.

* * *

А еще через неделю, максимум десять дней, с драгоценным письмом в сумке, с которым я решила никогда не расставаться, я уезжала отдыхать на Украину с Еленой и Александром. Той самой моей подругой из архива и тем самым ее мужем, который сыграл огромную роль в моем воцерковлении.

До своего переезда в Москву Елена жила в Запорожье. У нее там были покойные уже бабушка и дедушка. И меня пригласили провести там отпуск.

Я влюбилась в тот город сразу, как его увидела. Днепр, где писал свои рассказы Гоголь. Хортица, дубовая роща. Огромные помидоры, сладкие огурчики. Я просто объедалась всем этим. А еще я узнала, что рядом с домом, где мы жили, есть

секонд-хенд. О таком я слышала впервые. Для меня, столичного жителя, это было дико и непривычно. Зато очень скоро я оценила, как там все дешево, и обратно в Москву уезжала с огромными клетчатými челночными сумками нарядов. Но это будет чуть позже.

В последнюю неделю нашего там пребывания Саша и Лена предложили съездить в Энергодар – город, который находится километрах в ста от Запорожья. Александр родом оттуда, и там жили его родители. Сейчас только отец, мама умерла в этом году.

Энергодар я полюбила еще больше, чем Запорожье. Он очень напомнил мне мой любимый Краснодар – город из моего детства. Тот же синий цикорий, те же тополя-свечки, та же шелковица... Те же южные длинноногие дети со сбитыми коленками и черными пятками, которые уже невозможно отмыть. И неповторимый южный говор, такой родной. Я ходила по городу, вдыхала этот аромат прошлого и даже на время забыла о том, что непременно должна выйти замуж.

В один из дней Александр с Еленой предложили зайти в гости к Сашину бывшему однокласснику – Вадиму. Помню, было уже поздно, я устала после прогулки и хотела спать. Но ребята настояли. Саша рассказывал какие-то удивительные истории из их юности. Как учились вместе, одновременно увлеклись восточной философией, джазом, Тарковским. В том рабочем городе они всегда были какой-то странной компанией эстетов.

Потом почти одновременно воцерковились. Только Вадим – в Энергодаре, а Александр – в Москве. Третий друг из их компании, Алексей, – в Одессе. Поехал учиться туда на зубного техника, но осел в храме. Рассказал, как обошли они пешком с рюкзаками почти весь Крым. Спали под открытым небом, считали звезды и слушали пение цикад. И что Вадим сейчас работает начальником местного телевидения атомной станции.

В общем, мне стало интересно, и я сдалась.

Мы долго звонили в дверь, собирались уже уходить, но она наконец открылась... И на пороге предстал ОН – бородастый и с крестом! Все как я мечтала. И даже накачанный! Вадим же собирался спать и вышел просто в джинсах.

Но и это не главное. Главное – наконец-то екнуло. Даже не екнуло, а накрыло. С головой! Я смотрела на него и понимала, что тону. О чем мы говорили все весь вечер – не знаю. Помню только, что в голове был туман, на лице – глупая улыбка, а в сумочке – письмо и освященный лепесток.

Мы пробыли в благословенном городе Энергодаре еще дня три. Да-да, для меня он стал самым лучшим городом на земле. Все это время я умоляла блаженную Ксению сделать хоть что-нибудь. Ведь это ОН, ОН! А нам уезжать. Я потрясала в Небо драгоценным освященным лепестком и требовала ответа.

Мы ходили купаться на Каховское водохранилище и варили уху на даче у Вадима – было как раз Преображение. Я

слушала красочные рассказы на суржике его мамы, Каролины Иосифовны, а для близких – просто тети Кати, о том, как какие-то злодеи украли у нее на этой самой даче половину кролей, смотрела ей в рот и мечтала, как эта чудесная женщина станет моей свекровью.

Я успела причаститься в местном храме и узнать интересные истории о двух тамошних священниках с совершенно одинаковыми прическами. Одного из которых мне отрекомендовали чуть ли не святым, а другого – покаявшимся разбойником, у которого когда-то была кличка Паленый. Мы играли в теннис, я даже умудрилась потерять там сетку Вадима. И в шутку обещала долгими московскими вечерами вязать ему новую. В общем, было весело, но ОН совсем не обращал на меня внимания. Совсем! Никак!

* * *

И вот день отъезда... Я, Саша и Лена ждали междугороднюю электричку до Запорожья. Там нам предстояло провести еще несколько коротких дней перед возвращением в Москву. Оставались минуты до посадки. Обливаясь в душе крокодильими слезами и изо всех сил пытаюсь держать лицо, я продолжала взывать к блаженной Ксении, так обнадежившей меня своим лепесточком. «Ну почему! Почему он даже не пришел нас проводить?!»

У Александра зазвонил мобильный телефон. Коротко пе-

реговорив с кем-то, он радостно заявил:

– Вадим поедет с нами, он уже бежит!

– А чего он раньше-то не сказал? – нарочито равнодушно спросила я, в душе возликовав.

– Он не знал, успеет ли, – объяснил Александр. – Ему нужно было на даче забить оставшихся кролей. Тетя Катя попросила, чтобы всех не украли.

Меня накрыл такой поток счастья, что это зверское «забить кролей» прозвучало для меня примерно как «пойти на медведя с одним ножом»...

«Настоящий мужчина, – думала я, – добытчик! Воин! Не то что наши московские хлюпики. Синие и прозрачные».

Я даже попыталась представить, как мужественно сражается Вадим с этими опасными кролями, но потом решила не углубляться. «Ксения, ну помоги же!»

Прибежал Вадим, мы прыгнули в электричку и поехали. И опять на моем лице была характерная дурацкая улыбка, как в первый день нашей встречи. И к себе я благодарно прижимала сумку с драгоценным лепесточком, иконкой Ксении Петербургской и акафистом ей же.

Помню, на станции Васильевка Вадим купил нам всем пирожки с рыбой и рисом.

– Это наши знаменитые местные пирожки, самые вкусные, – сказал он радостно.

Пирожки с рыбой и рисом я ненавидела всегда. До дрожи. Я не стала бы их есть даже в какой-нибудь голодный год. Но

тогда я жевала этот злосчастный пирожок с лицом гурмана, дегустирующего отменных устриц с белым вином, – это же ОН меня угостил. Ну и надеялась, что такое явное совпадение наших вкусовых палитр как-то расположит ко мне моего избранника.

Сейчас пишу все это и вспоминаю, как одна моя близкая подруга (та самая, с которой мы когда-то формировали события с помощью силы мысли), плача и стеля дом, стойко ходила кататься со своим женихом на роликах, которые она терпеть не могла, а он любил.

– Ничего, дайте срок. Поженимся, и закину эти ролики подальше на антресоль, – утешала она себя...

В общем, не буду тянуть долго, в этот же день Вадим сделал мне предложение, от которого невозможно было отказаться.

– Когда ты выйдешь за меня замуж? – тоном, не терпящим возражений, спросил он.

Практически падая в обморок к нему на руки от счастья, я всем своим многозначительным видом показала, что хоть сейчас. Не сходя с этого места. Вадим просиял, как начищенный самовар. Все было тут же решено. Но, как любой женщине, просто обо всем договориться и расставить все точки над «и» мне было мало. Я долго пыталась его:

– А почему? А что ты во мне нашел? А когда ты это почувствовал? Как почувствовал? Где именно? С какой силой?

А он раз за разом все подробно рассказывал и в конце кон-

цов признался, что все это время был неприступен и холоден, как скала, потому что был уверен, что столичная штучка (то бишь я) – это не для простых энергодарских хлопцев. И сам не мог предположить, что я обращаю на него внимание. Но в итоге не сдержался. Хотя, если честно, мне до сих пор странно, что он так думал, потому что мое внимание к нему заметил, наверное, весь Энергодар.

Через три дня я уехала в Москву. Все было как в кино. Он стоял на перроне, а я то запрыгивала в вагон, то выпрыгивала из него. Обнимала, плакала, а Вадим зашвыривал меня в уходящий поезд, следом – мои челночные сумки из секунд-хенда. А потом бежал следом и кричал:

– Я приеду, я за тобой обязательно приеду!

– Надо же, прямо мелодрама, – сказал кто-то из пассажиров.

Я даже заволновалась. В подобных мелодрамах герой-любовник, как правило, оказывается прохиндеем и ни за кем никуда не приезжает.

Но спустя месяц мой суженый, правда, приехал за мной в Москву, похитил и увез в город моей мечты – Энергодар. Все домашние, родные и знакомые крутили у виска, а я бросила аспирантуру, карьеру, работу, звездное театральное будущее, была влюблена и счастлива. Мы быстро расписались в местном ЗАГСе, без всяких нарядов и лимузинов, и через два дня обвенчались – в Крыму. Даже без свидетелей. Мы там были вдвоем. Пили крымское вино, гуляли пешком от

Ласточкиного гнезда до Ялты и даже успели поругаться. А ровно через девять месяцев у нас родилась наша первая дочь Варенька.

* * *

Это все, конечно выглядит очень романтично. Но пройдет совсем немного времени, и выяснится, что жена декабриста из меня – не очень. Ужасная, прямо скажем.

Хотя все было как в мечтах – тихая провинция. Не домик в деревне, но все же. Молитвы на рассвете, батюшка, который нас окормлял, длинные службы, а мой драгоценный бородатый муж даже пел на клиросе в самом настоящем подряльнике.

Но кроткой, послушной и улыбчивой жены из меня не получилось. На службу я просыпалась часто со скандалами:

– Я же беременная, какой храм!

С мужем я спорила по поводу и без повода. Какой там «метнулась, встрепенулась и таз повидла с улыбкой поднесла». Однажды на Новый год мы с Вадимом повздорили, какая культура первичнее – русская или украинская. Каждый защищал свою, и я в ярости кидалась в мужа елочными шарами.

Была свекровь с ее кролями и дачей... Но вместо того, чтобы помогать ей на огороде, где, как я и мечтала, росло все-все-все, я пыхтела, скандалила и с тоской вспоминала

мою столицу, откуда я так стремилась сбежать. Я «билась» с ней так, что пух и перья летели. Когда у меня народилось уже несколько детей, я все еще была уверена, что бабушка Катя только и думает, как бы испортить мне воспитание, захватить над внучками главенство и лишить меня родительского авторитета. Каждый мой приезд мы спорили буквально по поводу всего. Она вечно требовала, чтобы я дала уже ребенку сисю, а я кормила по режиму. Она таскала детей на руках, а я хотела воспитать спартанцев. Я была за здоровую пищу, а она вечно совала им сало и тазы с пирожками. Ну и так далее. Но это потом.

– Какой огород?! Какая картошка?! – вопрошала я Ксению Петербургскую, с которой все первое время вела активный молитвенный диалог, то благодаря ее за нечаянную радость, то (в моменты нередких семейных катаклизмов по классической итальянской схеме) доставая заветный лепесточек и предъявляя ему всевозможные требования и ультиматумы. – Я же – маасквичка! Где я – дочь дипломата и где картофельное поле! И вообще, что я здесь делаю?! В Москве творчество, аспирантура, а я тут сижу беременная и целыми днями уплетаю бедных замученных и засоленных кролей. И батюшка еще ругает: «Ты, конечно же, непраздная, но кролей в пост – ни-ни. Ибо – грех!»

Как же замучился с нами наш бедный батюшка в тот первый год нашей семейной жизни! Он ходил к нам, мирил, успокаивал, вечно выслушивал какие-то мои недовольства.

Он поил нас чаем, угощал какими-то пирогами и запеченными в духовке бутербродами по его собственному рецепту (до сих пор их помню) на крошечной кухне их маленькой двушки, где они жили тогда с четырьмя детьми. Сколько же всего было говорено-переговорено и выплакано на той кухне... Сколько же всего съедено и выпито. И матушка, которая стоически переносила наши посиделки. Сейчас, когда у меня пять детей (да, я опять забегаю вперед), я понимаю, как ей, наверное, хотелось хотя бы иногда побыть в тишине. А еще батюшка молился, молился...

Много чего было. Но когда проходят обиды, кончаются ссоры и хоть частично иссякают претензии (а без всего этого, в силу природных склонностей, мне никак нельзя), я не устаю благодарить Господа Бога и святую блаженную Ксению Петербургскую за не заслуженный мной дар – мою любимую семью. Но при этом все получилось совсем не так, как я мечтала. Начиная с первой беременности и заканчивая сегодняшним днем.

Я сбежала с Украины, как и хотела. Не одна, конечно. А с мужем и дочкой. И если бы мне кто-то тогда сказал, как я буду скучать по тому маленькому городу Энергодару, как буду рваться туда каждое лето, я бы не поверила. Вот такая я изменчивая. Но что выросло, как говорится, то выросло.

И сейчас тот город – мое второе место силы. Там мне дышится, любится и пишется. Там можно остановиться и прийти в себя после сумасшедшей Москвы. Это сейчас я понимаю, что тогда, много лет назад, когда я приехала туда, вся из себя такая маасквичка, аспирантка уникального вуза, смотрящая свысока на всю эту деревню, я была просто дурой. Это была не деревня. Это был другой мир. Простой и добрый.

Который так отличался от моего, столичного – холодного, витиеватого и пафосного. Где не выживают, не завоевывают, не покоряют, а просто живут. Где не бегут вечно куда-то, отталкивая и не замечая. Где смотрят в глаза и улыбаются. Где каждый день после работы все ходят друг к другу в гости,

двери всегда открыты, а столы тут же накрываются...

Где людям не все равно, и они обязательно придут тебе на помощь... И где меня сразу же приняли, обласкали и всячески старались, чтобы мне было хорошо. Ну и обсудили, конечно, но как же без этого...

Возможно, я идеализирую, и Энергодар не весь такой прекрасный. Но в кругу людей, в котором я оказалась, было именно так.

Там наши друзья, кумовья, крестники... Там маленький и родной храм, с его провинциальными «катаклизмами», где я начала по-настоящему учиться церковной жизни. Там родные прихожане и церковные бабушки, которые, как водится, принимают активное участие в жизни других и которые сразу взяли меня «под опеку». Потом, каждый раз, когда я туда приезжала, я боялась, а вдруг кого-то из них уже нет?

Как же я скучаю по всем этим людям! Да, все это есть у меня сейчас и здесь, в Москве. Но половина сердца все равно – там, на Украине. Мы не поехали туда год назад из-за пандемии. И это была трагедия для меня и дочек. И как же я молюсь, чтобы мы попали к свекрови этим летом.

* * *

Но продолжу о начале моей семейной жизни. Еще там – на Украине. Я писала уже, как мечтала, что моя беременность будет не просто мирно протекать, а мелодично журчать. И

вот в первый же месяц после венчания – две заветные полоски. На радостях я тут же помчалась к гинекологу, которую мне нашли по благу.

– Так... Первородящая – старородящая! – критически меня осмотрев, сказала она.

Я даже обернулась, подумав, что это не ко мне. Как-то выбивались эти слова из моих радужных мечт.

– Идите на УЗИ, посмотрите, кто там! – строго продолжала она. – А то рожают уродов без рук, без ног, без головы! А так сделаете аборт, оздоровите организм.

Какой там ручеек... Наличие или отсутствие головы у ребенка стало моим главным кошмаром на протяжении этой и всех последующих беременностей. Потом – угроза выкидыша и страшная тошнота даже во сне.

Я-то думала, что буду стоять все службы свечечкой, а младенец во чреве будет радостно пинаться в такт песнопениям. А сейчас вспоминаю мое первое Рождество в храме. Оно было почти семнадцать лет назад, на первом году моего воцерковления и несколько месяцев после нашей с Вадимом свадьбы. Я очень готовилась, ожидая чего-то необычного. И нарядилась в свое самое красивое платье. Но у меня заканчивался второй месяц беременности, и половину службы я провела в своем ослепительном наряде и с обострившимся токсикозом в прихрамовых зарослях.

– Да у тебя духовные проблемы! Это бес в тебе сидит и к Богу не пускает, – проскрипела мне на ухо одна очень цер-

ковная старушка.

Врачи постоянно говорили, что мой ребенок недоразвит, потому что его размеры в животе не соответствуют нормальным человеческим нормам. Когда я пыталась обратить их внимание на мои скромные полтора метра и то в прыжке, они задумчиво на меня смотрели и говорили:

– Больше надо было есть морковки. А ребенок ваш все равно недоразвит!

Мне вечно делали какие-то уколы, чтобы развить дочь, но при этом предупреждали, что мне больше трех кило рожать нельзя. Морковки мало ела. И я думала, как бы усидеть на

двух стульях. И доразвить, и не переразвить.

Дома я плакала и срывалась на мужа, свекровь и бабушку, который, по моему мнению, мало молился.

* * *

Мои первые роды... Их я воспринимала как великое таинство. Я вообще раньше думала, что православным женщинам нужно рожать в поле – Господь поможет! И тут же вставать и начинать сеять, косить и жать. Но Вадим договорился с заведующей единственным в городе роддомом, которая была его хорошей знакомой. И она собственноручно принимала у меня роды, с каждой схваткой все меньше напоминавшие сакральное действо.

Я представляла себе, как будем мы с мужем вместе молиться (а он был в этот момент со мной) и под наши песнопения плавно и безболезненно явится миру светлоликий, розовощекий младенец и улыбнется нам, Богу и всем вокруг.

Муж и главврач, правда, не отходили от меня ни на секунду. Только они сидели на кушетках друг напротив друга и беседовали о театре, музыке, кино, живописи... Эстеты, забодай их комар! А я корчилась и подвывала между ними на полу. Молитвы, говорите? Я материлась как сапожник, даже теми словами, которых до того дня не знала.

– Лен, ну ты же москвичка, ты ГИТИС закончила, как тебе не стыдно, – упрекала меня врач. – И вообще, можно по-

тише? Я мужа твоего не слышу... О чем бишь мы, Вадим? А, Тарковский... Кстати, Лен, а ты видела в Москве такой-то спектакль? Понравилось?

Мои вылезавшие из орбит глаза и очередной матюк, видимо, убедили ее, что, да, видела и это прелесть что за спектакль. И она пообещала обязательно съездить в нашу российскую столицу и приобщиться к прекрасному.

– Слушай, что-то ты долго рожаеть, – посмотрела врач на часы. – У меня дела. А ну-ка я тебе укольчик засажу!

И засадила. Через десять минут из меня пулей вылетела Варя, порвав меня просто в клочья.

– Ладно, зашьем, не атомная бомба же у тебя там взорвалась, – задумчиво глядя на... В общем, задумчиво глядя, ободрила она меня. – У нас и хуже бывало. И спереди рвануло, и сзади, и даже сосуды в глазах и носу полопались. Представляешь, кровища отовсюду. И ничего. Не переживай, подлатаем, станешь как новенькая. Даже лучше.

Я лежала, рыдала, была уверена, что, таки да, атомный взрыв, и клялась себе, что отныне и навеки больше никаких детей. Будем мы жить с мужем как брат с сестрой.

– Не нужно мне лучше! – стонала я. – Верните как было! Лучше бы я ушла в монастырь! Ксения Петербургская, что ж ты молчала?

Еще страшнее стало, когда мне положили Варю на живот. Вместо нежно-розового и молочно-белого моя дочь переливалась всеми оттенками синего и лилового. А глаза ее не то

что не смотрели счастливо на этот мир, они были залеплены какой-то слизью. Ручки у нее свисали, как вишневые веточки, а голубоватые ножки больше походили на лягушачьи лапки.

– Да... Какая-то она у тебя тщедушненькая, – сказала та врач.

Варвара весила 2460, а рост у нее был 48 см.

– Да тебя саму соплей перешибешь, – завершила она свою речь. – Ничего, отъешься на нашем сале.

Вадим, кстати, тоже, глядя на все это, переливался всеми оттенками синего и зеленого. Особенно когда ему дали поддержать нашу девочку. Он, конечно, был очень растроган, но тоже не ожидал, что долгожданные младенцы выглядят вот так.

Меня отвезли в палату, а Варю отправили на разные проверки. Помню, когда ее вернули и распеленали, уши у нее оказались завернутыми в трубочки.

– Ой, неаккуратно подцепили, – сказала медсестра. – Ты их разгладь. Вот так, вот так...

И я разглаживала эти синие и прозрачные ушки.

Я пробыла в роддоме больше недели. Меня выписали бы гораздо раньше, но я вцепилась в кровать и категорически отказывалась уходить домой. Я была уверена, что Варя у меня долго не протянет.

* * *

Я представляла себе счастливое материнство примерно как на картине Боттичелли «Мадонна с младенцем». Я – юная прелестная мать, с красивой прической, в легком ниспадающем платье и с воздушной вуалью... Я улыбаюсь и ласково играю с моим милым дитем. А оно с любовью протягивает ко мне свои пухлые ручки. И ангелы поют на небеси.

Но нет! Оказалось, что счастье материнства – это когда младенец покакал! У меня не получилось наладить кормление грудью, как ни расцеживала меня своими могучими мозолистыми ручищами, вдавив в стену, врач-педиатр. Варя перешла на смесь, и у нее начались страшные запоры. Тюбик вазелина, газоотводная трубочка и клизма на долгое время стали нашими святынями. И я даже смотрела в молитвослове, нет ли там какой молитвы «О какашках». Они были такими редкими и такими долгожданнами, что я их готова была расцеловать.

Кстати, эта же врач, посмотрев в Варину карту в свой первый приход, округлила глаза и похоронным голосом заявила: – Да у вас же поражение головного мозга!

И я рыдала и вспоминала, как мечтала, чтобы у дочки оказалась на месте голова. А теперь в этой любимой крохотной головке – поражение мозга. В итоге выяснилось, что у нее была легкая гипоксия.

Я думала, что буду наслаждаться жизнью, мужем, ребенком, собой... А вместо этого я маниакально кипятила все, что попадалось мне на глаза, – игрушки, ложки, чашки, тарелки, бутылочки... Потому что была уверена, что первый же злокозненный микроб погубит мою кроху. Мы с мужем даже кипятили воду для мытья дочки. Не детскую ванночку, а настоящую большую ванну. Вы знаете, что такое вскипятить ванну воды, а потом остудить ее до нужной температу-

ры? Нет? Что вы тогда вообще знаете о жизни?

Я думала, что мы будем целыми днями гулять. А Варя орала как резаная до года, потому что у нее болел живот, срыгивала, и мы тут же мчались домой. Я перестала спать, есть, похудела до 39 килограмм. И однажды забыла надеть на улицу юбку. Хорошо хоть в лифте я обнаружила, что я в трусах.

В общем, о таком я точно не мечтала. И Ксения Петербургская с лепесточком много чего от меня услышала. Конечно, со следующими детьми было проще. Кроме пятой, но об этом чуть позже. Но каждая преподносила и преподносит мне сюрпризы, о которых я и подумать не могла.

Я и помыслить не могла, что две мои дочки, которые по задумке должны были стоять свечечками на службе, все такие ангелоподобные в беленьких платочках, подерутся перед исповедью, прямо напротив анаоя. Саму битву я не видела. Застала только подбитый глаз у одной, слезы у другой и шипение бабушек:

– Как же так! У вас папа – алтарник, мама пишет такие хорошие статьи о православном воспитании детей...

Оказалось, что одна вроде бы топала ногой, другая терпела и просила не топать. Первая клялась, что все было совсем наоборот. Вторая не вытерпела и заехала ей в глаз. Та ее в ответ толкнула, и понеслось. Разнимал их батюшка, которому пришлось побросать своих кающихся грешников.

Наша Дуня вела себя в детстве не то что ангелоподобно, а так, что я зареклась больше иметь детей. Когда ее призвал

к порядку один наш знакомый батюшка, она его просто-напросто оплевала.

* * *

Когда у нас было четверо детей, мы наконец купили в деревне под Оптиной маленький домик. Это было отдельное большое чудо. Мы с мужем читали акафист Оптиным старцам, и они нам буквально вручили этот дом за очень маленькую сумму, которая была у нас в наличии. Копейка в копейку.

Когда началась пандемия, мы уехали из карантинной столицы в нашу деревню. Там маленькая церквушка. Десятилетняя Соня и там впадала в спячку на службах. Если в Москве храм у нас огромный и можно хоть как-то незаметно притулиться, то здесь на нее сочувственно взирали все бабушки и шептали:

– Тише-тише, пусть поспит ребенок, наверное, дома много трудится...

А батюшка с улыбкой махал на нее кадиллом, когда обходил храм. Ребенок сопел еще слаще.

В мечтах я видела их исключительно в платьицах.

– У нас тут недалеко бесплатно выдают вещи многодетным, может, подберете своим что-нибудь, – сказала как-то в том храме одна местная жительница, многозначительно покосившись на ту же Соню.

– Хотите, мы возьмем ее на несколько дней в нашу пустыньку? – предложили монахини. – Побудет у нас, благодати наберется...

А Соня просто в поиске своего стиля. Короткие «стрику-листические» джинсы, огромные толстовки со свисающими рукавами, шапки с ушками (в которых она ходила в храм даже в +20), какие-то браслеты, фенечки. Все заботливо подобрано так, чтобы выглядело совершенно несовместимо. «Агли-стайл», – называет это Варя. И наушники в ушах...

– Мама, ну ты же сама рассказывала, как ты одевалась в молодости, – аргументировала Соня. – Не переживай, в ста-

рости я буду выглядеть как ты...

В старости... О Боже...

И еще вопрос – зачем я им все это рассказывала?

Соня и наряды – это вообще отдельная и бескрайняя тема.

– Это не модно! Это обтягивает! Это висит. Ааа, мне нечего надеть! Вынеси эти платья на помойку! – А я ей их с последней надеждой пыталась предложить, я же мечтала... – И эти майки тоже!.. Ладно, одно оставь в храм. А почему в храм обязательно в платье?.. Оно какашечного цвета! Я не надену эту инфантильную футболку с сердечком! Все джинсы мне малы. А другие все – велики!..

Правда, потом подошла ко мне:

– Мама, я не представляю, как ты меня терпишь.

Как? Из последних сил. А силы эти иногда заканчиваются.

Тут с болью в душе вспоминается, как я мечтала, что никогда не буду ругать своих детей.

– Что они у тебя опять вытворили? – спрашивала как-то соседка снизу. – Я вчера слышала, как ты выступала...

Послушные дети?

– Дуня, мама не разрешила вылавливать рыбок из аквариума, – слышу я за спиной шепот пятилетней Тони. – Но сейчас она ляжет спать, и мы половим.

А в этом году они вообще покусились на сакральное. Отрезали длинные волосы, которые я им столько лет отращивала, и покрасились в рыжий цвет.

Я мечтала, какими ортодоксально-верующими будут мои

дети. Нет, они верующие девочки, из Церкви никто не ушел и, слава Богу, пока не собирается. Но:

– Мама, почитай-почитай эту книгу, тебе понравится, она черносотенная, – сказала мне недавно Варвара.

Вот такой она меня видит.

Со скрытой тоской не могу не признать, что Варя давно намного начитанней меня. Она прекрасно разбирается в истории, политике, богословии. Она видит изъяны нашей церковной жизни и пытается это все как-то осмыслить. Она читает жития святых, а потом сравнивает их с реальной прижизненной биографией этих людей. И спрашивает:

– А почему в житиях не пишут всей правды?

Иногда это меня пугает. Я же мечтала, что у них не будет никаких сомнений, как и у меня.

– Мама, ты на все смотришь с каким-то большим оптимизмом, – сказала она мне однажды.

Подозреваю, про себя она подумала: «С каким-то дурацким оптимизмом».

В мечтах я видела ее с Евангелием и катехизисом в руках. Нет, она все это прочитала. Но также какое-то время увлекалась литературой об анархизме, революционерах и идеями о перестройке мира.

– Все мужчины моей мечты умерли минимум сто лет назад, – с грустью констатировала она.

Когда я пыталась спорить с ней на какие-то исторические и религиозные темы, она говорила:

– Мама, ну у меня ведь более свежий взгляд.

И рассуждала о правах человека и необходимости свобод.

А я чувствовала себя старой дурой.

Варя много учится, потому что мечтает не о Свято-Тихоновском, а о серьезной карьере. И сама ищет варианты учебы за границей. И считает, что сначала надо встать на ноги, а потом думать о семье.

А Соня мечтает стать художницей и параллельно – мастером маникюра, визажистом и гитаристкой. Рисовать и петь в переходах в метро.

Тут мои мечты о них как о многодетных матушках, регентшах, монахинях и Соне-иконописце плачут горячими слезами.

В храм сейчас регулярно ходят только младшие. Варя и Соня – через пень-колоду и с недовольными лицами. Понятно, что все еще сто раз изменится, но как же так... Я же не о том мечтала.

* * *

Но это все будет позже. А пока я жила на Украине с мужем, свекровью и Варей и мечтала вернуться домой в Москву. Что и случилось, когда дочке было полтора года. А когда мы уезжали, я подарила лепесток одному нашему украинскому другу-алтарнику, который долго не мог жениться. Сейчас у него семья, сын. Нашу с мужем историю многие в

том городе знают, она пользуется большой популярностью. И сейчас мне периодически звонят оттуда и просят:

– Лен, а ты не могла бы для нас написать письмо Ксении Петербургской?

Кстати, та моя близкая подруга, с которой мы формировали и которая гоняла с женихом на роликах, тоже писала письмо блаженной Ксении. И вскоре, когда она, скромная православная девушка, собиралась ехать на Божественную литургию на своем не менее скромном «мерседесе», надежное авто наглухо заглохло в гараже... Пришлось ей довольствоваться второй своей машиной.

– Ржавой «десяткой», – жаловалась она.

До храма-то подруга доехала, но, видимо, замысел Ксении был таков, чтобы обратно она уехала не сразу, а немного помедлила. Поэтому ржавая «десятка» заглохла, когда подруга села в нее, чтобы отправиться домой. И завелась только тогда, когда этому помогли проезжавшие мимо из другого храма, тоже после утренней службы, два добрых молодца. Один из них впоследствии и стал ее мужем – любителем роликов. И они до сих пор шутят, что Ксении Петербургской удалось познакомить их только ценой двух сломанных машин.

Но вернусь к моей «не такой» семейной жизни. Еще четыре наших девочки родятся уже в Москве.

Никогда раньше не могла бы я подумать, что у православных матерей случается невроз или депрессия.

«Они просто не молятся, – думала я. – Или им заняться

нечем».

Я сама купалась в нашей многодетности, обожала все это «детское» и даже предположить не могла, что однажды просто сойду с ума.

После рождения четвертой дочки у меня вдруг началась страшная усталость. Дикая, темная. Я не то что не могла метнуться и встрепенуться, как в мечтах. Я могла неделю лежать, а все равно не отдыхала. Я не могла ни готовить, ни убираться, ни заниматься с детьми. Мне стало все равно, во что я одета и как выгляжу. Я не помнила, что я ела и ела ли вообще. Мне хотелось только побыть одной.

А потом меня начало все раздражать – запахи, звуки, люди, мои собственные дети, муж. Постоянные перепады настроения, слезы и желание просто умереть. Я обвиняла Вадима в неспособности ничего сделать, а что мне нужно, я и сказать не могла. Так прошел год. А потом я попала к хорошему неврологу, проделала уколы. И мне стало лучше. Но кто бы мог подумать...

И никогда, ни в одном кошмарном сне не могла я предположить, что через несколько минут после появления на свет нашей пятой дочери, Марии, акушер скажет:

– По всем признакам у вашего ребенка синдром Дауна.

И в этот момент мне опять захочется умереть. Или чтобы эта дочь умерла.

– Господи, исцели или забери! – кричала я.

Я хотела отмотать время назад, и тогда бы я точно не за-

беременела. Или еще дальше я точно бы ушла в монастырь. Но время остановилось.

И ни в каких даже самых лучезарных мечтах не могла я представить, какими счастливыми станем мы все с этой девочкой. Нашей удивительной Машей. Если бы хотя бы за год до этого кто-то сказал мне, что я буду благодарить Бога за ребенка-инвалида, я бы покрутила у виска.

Я умоляла Его сначала сделать Машу обычным ребенком. – Сотвори чудо! Ты можешь, я знаю! Ну что Тебе стоит изменить эту хромосому! – плакала я перед иконами.

А Господь сотворил чудо большее. Он научил нас принимать и любить дочь такой, какая она есть. И быть счастливыми... Боже, спасибо Тебе!

И знаете, еще до Маши я всегда молилась: – Господи! Время же идет. Скоро я уже не смогу рожать. А я так хочу, чтобы у меня был ребенок. И на работу не хочу. Мне так хорошо дома с детьми. Но ведь и денег немного нужно. Сделай что-нибудь. Ты же можешь.

Он сделал. Все как я просила. Маша – это ребенок навсегда. Любимый, удивительный ребенок. Я дома. И мне за это еще и платят. Кому-то это покажется диким, но мне кажется, что Господь услышал меня. И я принимаю это с благодарностью и легким сердцем.

Я писала, что впервые мне сказали о моем будущем муже и детях в Оптиной пустыни. Машу мне тоже предсказали там.

Я тогда была на сносях, через месяц должна была родиться наша четвертая дочь, Тоня. Иду я по монастырю, и вдруг подходит ко мне иеродиакон Илиодор. Тот, который недавно умер. Протягивает пакет черешни и спрашивает, показывая на мой живот:

– Кто у тебя там?

– Антонина.

– Будет и Мария! Что у вас за семья без Марии.

Я тогда пожала плечами. Пятый ребенок в мои планы не входил.

А через три года у меня начались схватки. Да-да, у нас одни планы, а у Бога – другие. Это было 11 октября, на преподобных Кирилла и Марии, родителей Сергия Радонежского.

– Раз так, то назовем Марией, – сказала я.

Об отце Илиодоре с его пророчествами я тогда уже забыла.

Правда, Маша родилась только 13-го числа, после двух тяжелейших суток. Но имя уже было дано. А через год я опять встретила в Оптиной отца Илиодора.

– Мария? – спросил он меня.

– Мария!..

И наша семья с ней и правда стала другой. Перешла на какой-то новый уровень отношений. Девочка эта очень нас всех объединила. И с ней в нашу жизнь потоком вошли новые, прекрасные люди.

С отцом Илиодором прощались 28 октября. 28 октября

семнадцать лет назад мы с мужем расписались. Машу мы крестили тоже 28 октября, три года назад. Все это как-то странно переплелось, но мне кажется, случайностей не бывает. В тот день, когда батюшка шел к Богу, Которого он любил больше всего на свете, в мир пришла новая христианка. О которой он сказал: «Будет и Мария».

* * *

Я мечтала, что мы с мужем доживем до глубокой старости без всяких испытаний и умрем в один день. Может, и умрем. Но никогда я не думала, что нам придется пережить вместе.

Было это чуть больше двух лет назад. Как сейчас помню – 21 сентября, на Рождество Пресвятой Богородицы. В то утро мы с мужем поссорились. Я наговорила ему много всего обидного, он помолчал, потом развернулся и пошел к выходу. И тихо закрыл за собой дверь.

Вечером он пришел с работы и лег на диван:

– Что-то нездоровится.

Поднялась температура, запершило горло. А я бегала по квартире с уборкой, готовкой, детьми и злилась, что у него тридцать семь и пять, а он лежит пластом.

С каждым часом температура выше. Вадим ничего не ест, только просит пить. Утром уже тридцать девять, а на шее вылез огромный лимфоузел. Через два дня скорая увезла его в больницу. И опять тихо закрылась за ним входная дверь.

– Всякое может быть, вы только не волнуйтесь, – сказала мне на прощанье врач.

– Мама, а с папой все будет хорошо? – испуганно спросили меня дети.

– Да, конечно!

Я стою у той жуткой закрытой двери, а по щекам текут слезы:

– Господи! Не оставь! Пусть все будет хорошо! Я так его люблю...

Но дверь закрыта, и муж меня не слышит.

А дальше начался кошмар. Капельницы, антибиотики, которые не помогают, пункция лимфоузла, удаление, биопсия, КТ и УЗИ всего, чего только можно, пункция костного мозга, совещания врачей, консилиумы, собрания. Маститый профессор, задумчиво разводящий руками. Надпись на двери ординаторской: «Вадим Прищепа. Тяжелый. Реанимационной бригаде быть готовой».

С каждым днем мужу все хуже. Температура сорок один, он уже не встает. Его колотит так, что сотрясается кровать. И разговоры о том, что это, скорее всего, рак.

Я каждый день в больнице, и меня ненавидели все врачи. Было два дня, когда муж «уходил» у меня на глазах.

– Только не оставляй, – шептала я. – Я тебя люблю.

– Онкология, – опускали глаза врачи.

Я тогда вышла на улицу, села на асфальт и завывала. Это был какой-то кошмарный сон.

Я не могла показаться дома, потому что там дети, которые спрашивают, как папа. Я не могла поехать в храм, потому что на каждом шагу: «Как Вадим?»

– Ты где? – звонили друзья.

А я металась между монастырями и молилась. Матроне, Божией Матери «Всецарица», Ксении Петербургской.

Ксения... Я вспоминала мое письмо, тот лепесток, нашу первую встречу, первый поцелуй... «Ты выйдешь за меня замуж?»... Глаза его голубые, колючая борода... Наша первая дочь и первые волнения. Другие дочки и поток счастья. Рождение Маши, которую мы так легко приняли, потому что вместе... Ксения, ну помоги! Ты можешь, я знаю...

Дома Тоня плачет и зовет папу. Соне кто-то сказал в храме, что у Вадима рак, и у нее нервный срыв. Маша начала сама садиться, а я и не заметила.

Каждые пять минут звоню мужу:

– Лучше?

– Нет.

– Ну хотя бы не хуже?

Вечером читаем с детьми канон Богородице.

Звонит Вадим. Температура немного спала. А потом опять поползла вверх.

В нашем храме все за нас молятся, а я даже не могу зайти внутрь. Потому что там его нет. Местные попрошайки собрали для меня деньги, и их отдала мне вечно пьяная бомжичка Наташка. Через год она пропала. Я искала ее, но так

и не смогла найти.

Я плохо все это помню. Какими-то отрывками. Только крик, слезы, страх и молитва...

– Лена, мне лучше, тридцать восемь и три. Я сегодня ходил по коридору.

Я наконец могу дышать. Смотрю вокруг. Листья все пожелтели... Я и не заметила...

Диагноз «онкология» сняли, но врачи так и не поняли, что это было. Но многое поняла я. Я поняла, что такое «да будут двое в плоть едину». Это когда злишься, психуешь, уходишь, приходишь, а когда что-то случается с твоей половиной, тебя как будто рвут на части. Не станет его, не станет и тебя. Ты хватаешь эту вторую половину. Пытаешься вернуть на место, приклеить, прибить, пришить... Даешь кучу обещаний и обещаний, которые потом не выполнишь. Кусает подушку... И вспоминаешь, вспоминаешь... И удивляешься – а чем ты была недовольна?

Наша дверь тогда открылась... Вадим был дома и шел на поправку. Но это была только часть истории. Через месяц я найду у него в шкафу медицинские документы, где было написано «лимфома». И число через две недели после выписки. Я буду рыдать, звонить мужу, и он расскажет мне то, чего я не знала.

Тогда, уже после выписки, врачи вызвали его и сказали, что окончательное обследование лимфоузла показало лимфому. И теперь нужно пойти к онкологам за дополнитель-

ными обследованиями, чтобы назначить химиотерапию. Эти обследования длились три недели. Все это время Вадим молился и ничего мне не говорил. Он только взывал к Богу:

– Помоги, Ты можешь! Как Лена останется одна с пятью детьми, с Машей с синдромом Дауна? С лежачей мамой с Альцгеймером? Не оставь, Господи.

И неожиданно пришел вердикт: «Не лимфома, некротический лимфаденит».

А я тогда слушала его и с ужасом думала о том, над какой бездной мы стояли. Еще шаг, и все – конец. Но Господь уберег! Я даже не хочу думать, была ли это ошибка врачей или великое чудо. Я тогда только могла благодарить Бога! И до сих пор я не устаю это делать – за мужа, детей, мою прекрасную семью. За то, что все не так, как я мечтала, но так, как должно быть. И ничего я в нашей жизни не хочу менять. За то, что услышала меня когда-то Ксения Петербургская. За тот лепесточек. И все, что было и что будет. И уповаю на Его великую милость!

«Старец благодатный не нужен?»

– Старец благодатный не нужен? – с заговорщицким видом прошептала мне на ухо незнакомая бабушка, очень похожая на средневековую странницу.

Я стояла в очереди за едой в трапезной одного женского монастыря в Калужской области. У нас там дача неподалеку. И вот ко мне обратились с таким внезапным предложением.

– Нуууу... Ээээ... Даже затрудняюсь... – растерялась я.

– Ну вы думайте, время есть, – утешила меня бабуля.

Я начала усиленно думать, а старушка уже окучивала впереди стоящих.

– Сестрица, старец благодатный не нужен? Очень сильный, – зашептала она женщине внушительных габаритов в красивом павловопосадском платке. – Молитвенник, каких мало. Только из затвора.

– И почему ваш старец? – задала крупногабаритная дама неожиданный-негаданный вопрос.

Старушка смущенно затеребила свои четки и начала делать женщине глазами какие-то загадочные знаки. А может, они у нее просто задергались.

– Так почему нынче старцы? – не унималась дама в расписном платке.

– Благодатный старец работает бесплатно, – зашелестела старушка. – Нельзя служить Богу и мамоне! Но можно по-

жертвовать на облачение, на трапезу, на сырых и убогих...

– Ну все понятно, – изрекла дама.

И вдруг подхватила старушку под локти и, как пушинку, вынесла из трапезной на улицу.

Уж не знаю, о чем они там беседовали, но в окно я видела, как престарелый рекламный агент благодатного старца улепетывала из монастыря со всех ног. А женщина вернулась и как ни в чем не бывало встала в очередь. Только желваками слегка поигрывала.

Как вы понимаете, я это так оставить не могла – уж очень

любопытство разбирало. И, взяв свою еду, подседа к грозной даме за ее столик.

– Простите, а что это было? За что вы ее так? – спросила я максимально приветливо.

Чтобы меня тоже ненароком не вынесли...

– Да была у меня когда-то история. После этого, как о благодатных старцах в затворе слышу, убить могу...

Так я познакомилась с Ольгой...

* * *

С мужем Ольга развелась около пятнадцати лет назад. Их дочке тогда было всего несколько месяцев. Мужчина ушел к другой и судьбой ребенка больше не интересовался.

Поплакала она, пострадала. Но жить как-то было нужно, дитя растить. Взяла себя в руки, подрабатывать на дому начала. И через пару лет у Ольги было уже свое маленькое дело. Доход не миллионный, но чтобы не голодать, мягко говоря – хватало. Да и ребенок пошел в ясли. Стало легче.

Примерно в это время Ольга начала воцерковляться. Со всеми вытекающими последствиями горячего неопитства. Четки в метр, юбка в пол, пост до потери сознания, акафисты заунывным голосом, шаг вправо, шаг влево – грех, и ни вдоха без благословения. Духовная жизнь на грани смерти.

А еще наслушалась она всяких рассказов о старцах. Больше – женских. С восторгом узнала, что где-то в благодатных

краях живут-поживают настоящие угодники Божии. Которые тебя насквозь видят, как на рентгене. И что ни слово у них – то ясновидение. Ну а если молиться начнут, то горы – бегом в моря.

И решила, что они ей прямо позарез нужны. Время-то в экономическом плане на дворе стояло непростое, кризисное. Ее небольшой бизнес оказался под угрозой. А других источников дохода не было. Вот и хотела она уточнить у прозорливого старца, что ей делать.

Не то чтобы за мамоной гналась, Боже упаси! Про игольные уши, как новоиспеченная христианка, знала... И боялась в Царствие Небесное не попасть. Но волю Господню стремилась узнать. Продолжать в этом направлении или завязать и чем-то другим заняться.

А еще сама себе признаться боялась, но вновь замуж ей хотелось. И чтобы теперь все было по-нашему, по-православному. Верующий муж, в идеале – с бородой. И чтобы стали они сразу в плоть едину, спаслись чадородием и построили на зависть всем домашнюю церковь, каких мало. И не церковь, а целый собор.

– Да кто ж тебя возьмет с приплодом-то, – говорила ей, сочувственно вздыхая, баба Маня, их храмовая свечница...

А вот старец помолится, и возьмут как миленькие...

Приходской же их батюшка отец Борис хоть и был в почтенном возрасте, но какой-то не старец совсем.

Ни тебе прозорливости, ни дара исцеления... Ни глагола

огненного... Скажет пару банальных слов, и все... Ни хоть какого-нибудь маленького чуда по его молитве. Да и молитва – одно название. Ни духовной энергетики, ни православных флюидов. Сплошная теплохладность.

* * *

И решила Ольга пуститься на поиски этих невиданных чудотворцев. И тут, как на заказ, появилась в их храме старушка – божий одуванчик. И давай про сильного и благодатного старца вещать. Не старец – а загляденье. Со всеми возможными духовными дарами.

С ее слов, сильный старец обитал в неприметном храме на окраине одного из городов Золотого кольца. Куда Ольга, недолго думая, свои неофитские лыжи и наострила. Но говорила бабуля, что попасть к нему удавалось далеко не всем, а уж стать чадом – вообще удел избранных. Причем чад он назначал себе сам. Из особо просветленных. А что не так – прощался с ними без сожаления. Бездуховности не терпел.

Но Ольга твердо решила добиться вожденной аудиенции. И дочку с собой прихватила.

Священник этот и впрямь оказался старцем как по писаному. Борода окладистая да шелковистая, поступь степенная, голос раскатистый. А как глянет – хоть сквозь землю проваливайся. Да и там тебя насквозь увидит.

Поначалу встретил он Ольгу неласково. Особенно когда дочка ее начала по храму бегать, православные порядки нарушать. Благословил на степенном своем бегу, хмуро на девочку глянул, сказал что-то сквозь зубы и дальше полетел по своим старческим делам, только облачение на ветру развевалось.

– Старушка говорила, что он так веру пришедших испытывает, – вспоминала Ольга. – Вроде как Иисус хананеянку, которую Он псом назвал. Но она смирилась, и Христос ее всем в пример привел. Надо за благодатным старцем дальше из всех сил бежать, тогда он, даст Бог, смилостивится.

Бежала на нем Ольга и кричала:

– Батюшка, батюшка, я к вам из Москвы.

Тут уж старец сжалился. Человек же из самой Первопрестольной ехал. Не ближний свет. Расспрашивать ее начал – кто, откуда да чем занимается. Бизнесом заинтересовался. Оживился прямо, как услышал. Ольгиными экономическими переживаниями проникся. Но кризисного пессимизма ее разделять не стал. Крепок был в вере, на то он и старец.

* * *

– Или не слышала, раба Божия, что сказано: «Не оскудеет рука дающего!»? – пристально глянул он Ольге в глаза. – Милостыню святую надо творить! Тогда и проблем в бизне-

се не будет!

– Так я жертвую, – попыталась она оправдаться. – И большим, и нуждающимся на приходе. Бабушке-соседке помогаю.

– Значит, мало помогаешь, раз дело рушится.

– По мере сил... Одна ж я с дочкой.

– Знаем мы эту вашу меру... Забыли апостола? «Кто сеет скупое, тот скупое и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет». А еще сказано в Писании: «Господь Отец сирот». И всяких болящих. Он их и без тебя не оставит. И бабушку-соседку. А ты жертвуй Богу!

И начал ей старец теперь уже Божии проблемы выкладывать. Что облачение поизносилось, паникадило в храме поржавело, автомобиль приходской медленнее пешеходов ездит.

– Чуешь, чадо, о чем я толкую? Волю Божию прозреваешь?

А Ольга как услышала, что угодник Божий ее чадом назвал, так в голове помутнело от радости. Помнила же, что это чудо чудное – в чада к нему попасть.

– Чую, батюшка...

– Ну так вот тебе список наших храмовых нужд, и ни о чем не думай. Токмо о спасении души! «Какая польза человеку, если приобретет весь мир, а душе своей повредит»... И глаза пошире открой, «Взгляни на птиц небесных. Они ни сеют, ни жнут, а Сам Отец Небесный их питает».

Ну и много еще цитат Ольге привел, из которых следовало, что как только она паникадило новое ему купит да автомобиль, то все проблемы ее в одночасье решатся, а бизнес начнет цвести и пахнуть.

Попыталась она последними остатками здравого смысла сквозь чарующую пелену прорваться и объяснить святому старцу, что у нее и денег таких на руках нет, только если из оборота умирающего бизнеса изымать. А это чревато.

– Все-то вы о мамоне да о мамоне. А о душе кто подумает! – загремел старец. – Господь сказал: «Не бойтесь!» Бог благословит, чадо!

И так уверенно ее перекрестил, прямо жестко, что растаплили последние сомнения! «Чадо»... Вот свезло так свезло...

И поехала она домой, а старец отправился в свой молитвенный затвор. Он сам так сказал.

* * *

Вернулась Ольга с дочкой в столицу благословение исполнять. Терзали ее, конечно, смутные сомнения. Таковую сумму сразу взять и потратить. А как дальше-то? Что с делом будет? Но повторяла, как мантру: «Кто сеет щедро, щедро и пожнет... Чуешь, чадо?»

А как тут не чуют. Старец время от времени из молитвенного затвора выходил и по мобильнику ей звонил:

– Ну что, чадо, волю Божию о себе выполняешь? Эх вы,

малoverы!

Собрала Ольга всю свою веру в кулак, помолилась, зажмурилась внутренне от страха, сняла все остатки со счетов и купила паникадило с облачениями. И отвезла угоднику Божию. И еще денежек на сырых разных. На машину не хватило. За что ей старец попенял, но потом великодушно простил. Забрал гостинцы и опять удалился в молитвенный затвор. Пообещав Ольге от Господа всяческие блага и свои святые вздыхания.

Но благ не последовало. Шаткий и так бизнес вскоре рухнул, а потом пришла беда – заболела дочь. Не то чтобы смертельно, но если ждать бесплатной помощи и лекарств, можно необратимых последствий дожидаться. А если определенную сумму собрать, то вылечится ее девочка. Но где ж теперь взять деньги эти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.